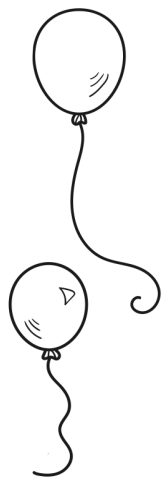

Ты нужен мне

Ты нужен мне, когда снега заносят к сердцу путь,
Ты нужен мне, когда мосты нет сил перешагнуть,
Когда с подругой тишину уже не разделить,
Когда душе не замолчать, а телу — не остыть.
Когда в нависших облаках нет места синеве,
Когда из тысячи дорог моя — ведет к тебе.
Когда три слова на губах сверкают янтарем,
Когда нуждаешься в огне сырым промозглым днем...
Как хорошо тебя найти. Как хорошо сказать:
«Ты нужен мне. Ты... нужен мне!»
И навсегда обнять.

— Светлана Анатольевна?
— Да, Егор?
— Белуга нашлась!
— Где?
— Ездилa в электричках и попрошайничала. Контролеры сняли!
— Как она?
— Неважно. Ревет и кусается. И никого не подпускает. Может, ей укол сделать? От бешенства? Вдруг она заразная?

— А может, ты не будешь городить ерунду и вспомнишь, что она твой друг?

— Да какой она друг?! Плевать ей на нас! Зачем вы вообще с ней возитесь?

— Иди уже, Егор. И предупреди, пожалуйста, Ольгу Валентиновну о приезде инспектора, мне только что звонили из социальной защиты. Скажи, пусть пока не трогает Наташу. Я сейчас приду. И знаешь, что еще...

— Что?

— Загляни на кухню. Попроси Агеевну сделать для Наташи сладкий чай и... что она еще любит?

— А почему вы у меня спрашиваете?

— Потому что знаю — тебе не все равно.

— Ну, борщ, наверное. О! Ленивые вареники!

— Егор, речь идет о Белуге.

— Да зуб даю, она их тоже любит! А еще «Баунти» и соленые крекеры! Только у Агеевны «Баунти» нет!

— Хорошо. Я сама схожу куплю.

— Светлана Анатольевна!

— Да?

— А знаете, вы такая красивая, когда хмуритесь...

— Остряков, я тебе говорила, что не люблю подлиз?

— Так я же правду! Светлана Анатольевна!

— Ну хорошо, Остряков. Что на этот раз?

— Журнал «Большой футбол». Помните, вы как-то приносили несколько? Еще сказали, что это журналы вашего отца. Там на последней странице были классные магниты — фото чемпионов. Я теперь их собираю!

— Ладно, принесу.

— Ну тогда я побежал?

— Давай, Егорка. И не забудь к Агеевне заглянуть!

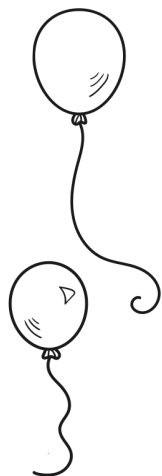
— Понял! А вы там сильно с Наташкой не цацкайтесь! Все равно она через неделю снова сбежит!

Третий побег за два месяца. Не просто так — беспутную мать выпустили из мест лишения свободы. Кто сказал — не дознаться, но вести, словно поганые грибы, ползут из земли в детские души.

Трудная девочка, сложный ребенок. Десять лет, а словно три раза по десять, и старше тебя самой. Глаза умные, глубокие, повидавшие такое, что лучше из этих глубин не доставать. Пока есть надежда на нормальную жизнь — утопить бы все и засыпать песком. Залить бетоном, похоронить так, чтобы не осталось и креста в памяти! Тонкая работа, кропотливая, но если не я, то кто? Сама выбрала себе путь и призвание. Самой и отвечать.

Белуга сидит, сжавшись на стуле у стены, и смотрит волчонком — ни дать ни взять, выпавший из гнезда тощий птенец, сломавший о свободу крылья. Волосы спутались, брюки на коленях изорваны, на щеках грязь... Она не ела толком несколько дней, прыгая из поезда в поезд, проскальзывала невидимкой через турникеты, просила и подбирала, отдавая вокзальным падальщикам дань. Выживала, и все ради того, чтобы найти мать. И прокормить. В мире Белуги детей метят особыми бирками — кто полезнее, тот и ценнее.

Я захожу в комнату с холодными серыми стенами и светлыми крахмальными шторами и сержусь про себя. Снова закрытый бокс. Сколько раз просила заведующую не приводить сюда детей, но каждый раз

все повторяется снова. Медосмотр, трехдневный карантин и одиночество. Изоляция от общества, уже однажды тебя отвергшего. Все, бесспорно, оправдано, когда под твоей ответственностью сто тридцать два ребенка, но все равно ужасно несправедливо.

Я захожу, но оставляю дверь открытой. Мы обе с Белугой знаем, что отсюда не сбежать — за следующей дверью дежурит медсестра, но пусть уж девочке останется хоть эта маленькая иллюзия — скромный, как пост, мнимый глоток свободы.

Я не подхожу близко. Не повышаю голос, не поднимаю рук. Я просто какое-то время присутствую, давая девочке возможность меня принять. Разделить со мной застывшее, озлобившееся против нее пространство.

Начинаю говорить о сторонних вещах. О том, что на улице весна и, если она захочет, мы можем пойти погулять. Что в нашем саду первый раз зацвела черемуха, и запах от нее стоит необыкновенный. О том, что у дворняжки Масыни на заднем дворе смешные щенки, а еще о том, что ее подруга очень по ней скучала.

— Надя сплела для тебя браслет из бусин и бисера, очень красивый, так что к летнему балу у вас будут самые настоящие украшения.

Белуга не отвечает. Здесь все молчуны, я привыкла. Колючие души, замкнувшиеся в панцирь из недоверия и обиды. Хмуρο смотрит в окно, за кото-

рым ветер качает цветущие ветви старой акации, и рвет нитку на растянутом рукаве старой шерстяной кофты.

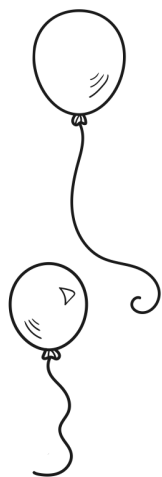
— Наташа, ты, наверное, давно не ела. Что ты хочешь? Я попрошу Агеевну принести тебе горячего. У тебя ничего не болит? Как ты себя чувствуешь?

Я вижу, что ниже уха на щеке у девочки наклеен грязный пластырь. Наклеен неумело, широкой полосой, из-под которой на коже виднеются желтоватые пятна уже сходящей гематомы. Скорее всего след, оставшийся от крепкой пощечины или падения. Результат возвращения к матери? А может, бродяжничества? В подземке метро десятилетнему ребенку так легко что-то с кем-то не поделить.

Мне еще предстоит выяснить причину его происхождения, но сначала надо вернуть Белугу назад. Вернуть людям, обществу, себе. Пока не поздно, пока еще не потух окончательно свет детства в светлых глазах, и пока еще есть надежда помочь ей забыть.

Я помню, что девочка любит читать. Питер Пэн и Венди. Русалочка. Пеппи Длинныйчулок. Рисунки к любимым книгам до сих пор висят на стене в ее спальне. Вряд ли она читала последнее время, но все равно не замечает стопки книг, которые я принесла с собой и положила на стол.

Она странно замерла, продолжая смотреть в окно — маленькое съежившееся существо, застыв-

шее в точке неприятия, непонятно какого пола. Если бы не волосы до плеч, светлые от рождения, а сейчас практически бурые и спутанные от грязи, так сразу и не сказать, что девочка.

Мне кажется, что Белуга спокойна, и я делаю к ней шаг.

— Наташа...

Но видимость обманчива. Ребенок — как пружина, загнанная в паз, и быстрый взгляд колких глаз подтверждает, что пружина готова выпрыгнуть, сорваться, выстрелить. Мчатся туда, где ее понимают и ждут. Где ее любят странной любовью, которая проступает гематомой под пластырем.

— Пошла ты! Ничего не хочу! Я вас всех ненавижу! Поняла? Ненавижу!

Белуга вскакивает и роняет стул. Начинает реветь. Пятится в угол, утирая рукавом сопливый нос, под которым вдруг раздуваются пузыри. Я сделала всего лишь шаг, и этого шага хватило, чтобы девочка сорвалась и заплакала навзрыд — десятилетний ребенок, не удержавший в себе ком отчаяния.

— Она меня ждет, а я не приду! Ты понимаешь?! Ждет! Ненавижу вас всех! Ненавижу!

— Наташа, успокойся, прошу!

Сзади раздаются шаги, и в комнату входит медсестра — крупная, рослая женщина лет пятидесяти с мужскими чертами лица, на котором главенствуют крючковатый нос и тяжелый подбородок. Она могла

бы правдиво сыграть женщину-инквизитора, задействуй ее какой-нибудь режиссер в этой роли, но природа иногда шутит, облачая доброту в непривлекательную обертку.

И имя у нее такое же грубо-отточенное — Ираида Борисовна.

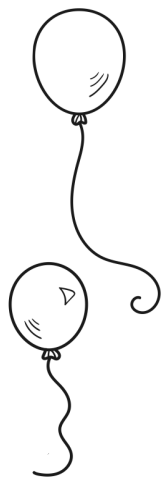
Она слышит плач, и это служит сигналом вмешаться. Входит важно, с серьезным видом держа в руке пакет со средствами санитарной обработки. Подходит и опускает мне ладонь на плечо.

— Все хорошо, Света. Я лучше сама. Наташке сейчас команда нужна, как дальше жить, не слышит она тебя. Вот выплачет свою беду, а после и про черемуху поговорите.

У Ираиды своя философия и своя правда жизни. В прошлом и сама воспитанница детского дома, она лишена излишнего такта. Но я уже не раз убеждалась, что ее тактика порой срабатывает куда лучше моей.

Она подходит к девочке близко, без спроса вторгаясь в личное пространство. Достает из кармана салфетку и уверенно вытирает сопливый нос. Ударить Ираиду сродни кощунству, через ее руки прошло не одно поколение воспитанников, и Белуга, сделав несколько попыток вырваться, затихает, но по-прежнему вздрагивает в плечах.

— Ну, давай, Наташка, раздевайся... Какая ты грязная у нас. Это у тебя суп, что ли, застыл на рукаве,

или сопли? Самой-то не противно, нет? Ты же девочка. Ну чего реवेशь? Дома ты, как ни крути. Дома! Дай, посмотрю тебя... Свет! — Ираида зовет меня, и я откликаюсь:

— Да?

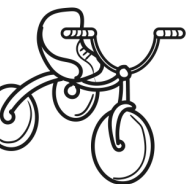
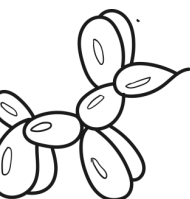
— Включи в душевой обогреватель. Не нравится она мне. Как бы бронхит не подхватила — хрипит и кожа под глазами синюшная. А у нас тут полный набор! — со вздохом сообщает. — Колтуны и педикулес. Так что вещи, Наташка, я твои изымаю. Ты же не хочешь, чтобы эти твари тебя живьем съели? Ну?

— Только не брейте, — всхлипывает девочка, но уже не сопротивляется. Просит упрямо: — Не хочу, чтобы все знали! И смеялись. Не хочу!

Насмешки и одиночество — вот самые большие страхи в стенах детского дома. Мы с Ираидой переглядываемся, и я киваю, наблюдая, как медсестра, вслед за грязной кофтой, стаскивает с ребенка футболку и брюки, обнажая тощее тельце. Поворачивает девочку осторожно, отвлекая разговором, позволяя мне бегло ее осмотреть.

Слава богу, видимых синяков и ссадин нет, только болезненная худоба. Кивнув Ираиде, я уйду в душевую, чтобы включить обогреватель. Возвращаясь за полотенцем и слышу, как женщина искренне удивляется.

— Да ты что, детка! Как можно! Вот меня в детстве не раз брили, так я на всю жизнь тот стыд

запомнила. А сейчас ученые такие препараты придумали — десять минут, и каюк тварям. Обработаем и забудешь! Заодно и ногти острижем. И будешь ты у нас не замухрышка сопливая, а снова умница Наташа Белугина. А то стыдно же людям на глаза показать, распустила сопли по колено. Подружка твоя Надя что скажет, когда увидит тебя такую?

— Не обрежете? Обещаете? А то я снова сбегу!

— Напугала. Отъешься для начала! Вот вырастешь, станешь ученым, и не такое придумаешь.

Уже в душевой, когда я помогаю Ираиде вымыть девочку, Белуга говорит без слез: то ли и вправду успокоилась, а то ли смирилась на время, пока не понять.

— Не хочу ученым. Я буду сказки писать. Хорошие и добрые. Про маму... Не уходите, Светлана Анатольевна, пожалуйста! — просит, цепко поймав пальцами мое запястье. — Я вас вспоминала, честное слово!

Разговор получается не из легких. Мир глазами ребенка видится совсем другим, и обида, как снежный ком, придавивший грудь, не дает девочке дышать. Приходится осторожно и долго нащупывать проталины, обходить острые углы, возвращаться и говорить. Разгребать этот снег руками, чтобы Белуге досталось хоть немного человеческого внимания и тепла.

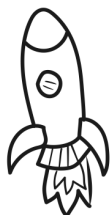

Она оттаивает. Не скоро, но снова шмыгает носом, уплетая борщ. Рассказывает о старшем брате, который скоро вернется из армии и ее заберет. О доме, который у них когда-нибудь обязательно будет — большой и настоящий. И о матери, которая все равно ее любит.

— Просто у нее судьба тяжелая, вот и пьет. А еще сожитель гад. Если бы не он, мамка бы нас всех к себе забрала. Верите?

Не верю, а потому молчу. Конечно, когда у тебя четверо детей, и всех воспитывает государство, самое время втемашить в голову ребенку, которого ты бросила, жалость к себе. Окунуть в эту жалость с головой, до хриплой немоты, пока еще в детских глазах не родилась ненависть, а затем и равнодушие.

Убила бы!

Уже после разговора, когда волосы расчесаны, а девочка сидит в койке с книжкой в ожидании визита врача, я выхожу из комнаты изолятора, и Ираида зовет меня на чай. Угощает печеньем.

— Ну что, садись, Свет. Выдохнем, что ли. Ну и денек! Сначала Карасев с Чебановым подрались до крови. Хорошо, что наш Никита Валерьевич поблизости оказался — вовремя разнял. Теперь вот Наташка шума наделала — беспутная душа. А ведь самое страшное, что не врет. Оклемается и, как пить дать, снова сбежит к мамке!

День сегодня действительно выдался не из легких. Я опускаюсь на стул, беру чашку в руки и грею

о ее края ладони, которые оказываются озябшими, словно и правда побывали в снегу, пусть на улице уверенно дышит весна.

— Да простят меня люди и Бог, но лучше бы эту пьянь посадили! — выдает в сердцах Ираида без сожаления. — Хоть бы дочке дала вырасти! Если она в беду попадет, разве с той курвы спросишь?

Чай горячий, а печенье простое и вкусное. Я с удовольствием потягиваю напиток, глядя в окно. На детской площадке гуляют дети постарше — лет десяти-двенадцати. Занятия в классах закончились, и сейчас у детей свободное время. Наверняка Андрюшка уже проснулся и после полдника играет в игровой комнате. И ждет. В этом доме-интернате, где я работаю психологом вот уже год, дети помнят обещания, а я обещала мальчишке прийти.

Андрюшка. При мысли о мальчишке губы, как всегда, трогает улыбка, а сердце отзывается теплом.

— Значит, постараемся этому помешать, Ираида Борисовна, — твердо говорю медсестре. — На этот раз Наташи не было три недели. Я боялась и предполагать, что могло случиться с ребенком за это время. Если снова сбежит, мать ее непременно накажет, чтобы в следующий раз не попадалась. И следующего возвращения девочки может не быть.

— Вот сволочь! Тогда уж лучше, как я — круглая сирота, чем вот так. Вот ты психолог, Свет, объясни: почему? От них отказываются, бросают, а эти выкор-

